

ЭЛЬМИРА ШАБУРОВА

Окно

в два мира

Эльмира Шабурова

Окно в два мира

«Автор»

2026

Шабурова Э.

Окно в два мира / Э. Шабурова — «Автор», 2026

Что будет, если знаменитый провидец Нострадамус внезапно окажется в XXI веке, а обычный медбрат из сибирского Мегиона — в XVI столетии на его месте? Именно это и происходит, когда два ритуала — один во Франции эпохи Возрождения, другой в современной России — идут не по плану. Сергей, увлечённый оккультизмом медбрат из Мегиона, и великий прорицатель Нострадамус меняются местами в пространстве и времени. Теперь Сергею приходится выдавать себя за знаменитого провидца, поражая средневековых жителей «пророчествами» и спасая жизни с помощью знаний современного медбрата. А Нострадамусу, которого находчивая сестра Сергея Вика срочно переименовывает в Диму, предстоит освоить смартфон, разобраться в работе МФЦ и научиться доставлять заказы на велосипеде — ведь его устроили курьером!

© Шабурова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Ритуал в Мегиионе»	5
Глава 2. «Ритуал во Франции XVI века»	15
Глава 3. «Нострадамус в XXI веке»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эльмира Шабурова

Окно в два мира

Глава 1. «Ритуал в Мегione»

Вика ненавидела запах ладана, пихтового масла и дешевых ароматических палочек с запахом «Ночной лотос». Этот коктейль въедался в обои их двушки на улице Свободы, намертво впитывался в ее рабочий костюм делопроизводителя МФЦ и, кажется, даже пытался прописаться в паспорте.

— Сережа, если ты сожжешь ковер, я тебя самого воскурю во славу Ктулху! — крикнула Вика из коридора, пытаясь одной рукой попасть ногой в сапог, а другой удержать пакет из «Пятерочки», который угрожающе трещал по швам от тяжести гречки и кошачьего корма для соседской Мурки.

Из комнаты брата донеслось глухое бормотание. Сергей сидел на полу, скрестив ноги по-турецки. Перед ним лежала распечатанная на цветном принтере схема планетарного выравнивания, купленная за триста рублей у пользователя Magister_Okulist_666 на форуме любителей непознанного. Рядом стояла аромалампа в виде голой женщины, держащей на голове чашу, три черные свечи (две обычные хозяйственные, покрашенные лаком для ногтей, и одна нормальная, соевая) и старый латунный компас деда.

— Не мешай концентрации тонких энергий, Викуль! — отозвался Сергей, не открывая глаз. Его лицо было сосредоточенным, как у нейрохирурга. — Парад планет через сорок минут. Затмение уже началось над Южной Америкой. Окно открывается раз в сто лет. Я должен заглянуть в прошлое. Мне нужен ментальный слепок Нострадамуса. Представляешь, я спрошу его про истинное значение катрена Цезарь-58!

Вика закатила глаза так сильно, что на секунду увидела собственный затылок изнутри.

— Сереженька, тебе двадцать пять лет. Ты медбрат. Твоя самая большая ответственность сейчас — это вовремя довести бабушке с давлением двести инсулин, а не спасти человечество от предсказаний шестнадцатого века. У меня сегодня квартальная премия решается. Если Шеф узнает, что главная причина моего опоздания — это ритуал вызова французского аптекаря-шарлатана в моей гостиной, я никогда не стану начальником смены. А я им стану, потому что Зинаида Петровна уходит на пенсию, и моя анкета идеальна!

Сергей приоткрыл один глаз. Глаз был красным от недосыпа и пристального изучения свитков, которые он скачал в переводе Гугла.

— Вика, твоя узость мышления убивает вибрации астрального тела. Начальник смены МФЦ... Это же апофеоз бессмысленности. Вы там выдаете справки о том, что человек является человеком. Зачем? Чтобы получить другую справку, где написано, что справка настоящая? Это бюрократический ад, сестренка. А я ищу истину.

— Истина в том, что если ты не уберешь эти вонючие свечи до прихода мамы, она решит, что мы основали секту свидетелей Иеговы, и сдаст нас участковому. Кстати, твой Нострадамус

тоже работал аптекарем. То есть, выдавал людям травяные сборы вместо нормального пенициллина. Вы бы нашли общий язык. Он продавал бы плацебо под видом звездной пыли, а ты бы колол физраствор под видом живой воды. Идеальный семейный бизнес.

Сергей тяжело вздохнул, поднялся с пола и начал тушить свечи пальцами, шипя от горячего воска.

— Ладно, Венера ушла из нужного дома. Ритуал сорван твоим цинизмом. Но знай, когда наступит Армагеддон, и мертвые восстанут из могил, чтобы потребовать талончик электронной очереди, ты вспомнишь мои слова.

— Когда наступит Армагеддон, первым делом сгорит здание МФЦ вместе с архивом, и мне станет глубоко плевать на все талончики мира, — фыркнула Вика, наконец справляясь с молнией сапога. — Я в кино. На Марвел. Там хотя бы спецэффекты настоящие, а не нарисованные копотью на потолке. Вернусь часа через три. Постарайся проветрить квартиру так, чтобы соседи пожарных не вызвали.

Дверь хлопнула. Сергей остался один.

Он подошел к окну. Мегион жил своей обычной вечерней жизнью: внизу мигала вывеска круглосуточного магазина «24 градуса», сигнализация чьей-то старой «девятки» надрывалась дурным голосом, а с детской площадки доносился мат подростков, обсуждающих достоинства нового процессора. Никакого величия. Никакой магии. Сплошная серость панельных девятиэтажек.

Но Сергей знал то, чего не знала сестра. Сегодняшняя ночь была аномальной. Астрологи всего интернета сходили с ума. Полное лунное затмение совпало с редчайшим парадом планет, выстроившихся почти в идеальную линию. Энергетика Земли должна была искривиться. Порталы должны были открыться.

И дело было вовсе не в бумажках от Magister_Okulist_666. Дело было в другом рецепте. Настоящем.

Три месяца назад Сергею досталась по наследству старая тетрадь его двоюродного деда, геолога, пропавшего без вести в тайге еще в девяностые. Дед не был сумасшедшим, он был просто очень наблюдательным мужиком. В тетради среди записей о залежах кварца и координатах странных кругов на болотах был вклеен листок, исписанный мелким, убористым почерком. Заголовок гласил: «Формула обратного эха. Для связи с тем, кто смотрит сквозь время».

Дед писал, что формула работает только тогда, когда тот, на той стороне, делает то же самое.

Сергей усмехнулся. Конечно, дед имел в виду радиосвязь или какие-нибудь атмосферные явления. Но Сергей перевел это на свой язык. Если он проведет ритуал призыва здесь, в эпицентре Сургутской низменности, пропитанной древней хтонической тоской, а Мишель де Нотрдам в своем Салоне-де-Провансе сделает то же самое, желая заглянуть в будущее... Они могут столкнуться лбами прямо посреди временного континуума.

Это будет лучший фан-сервис в истории человечества.

Сергей посмотрел на часы. До пика затмения оставалось пятнадцать минут. Вики нет. Мама дежурит в больнице. Квартира в полном распоряжении магистра оккультных наук.

Он быстро сбросил куртку. Расчистил место на паркете от мебели. Достал из рюкзака банку настоящей, сухой полыни (заказывал у травницы из-под Омска), кусок горного хрусталя, который нашел сам прошлым летом в экспедиции, и главное — серебряную ложку. Ложка нужна была для заземления избыточного эфира, чтобы мозги не расплавились. По крайней мере, так было написано в комментариях под видео какого-то шамана из Бурятии.

На экране смартфона светилось уведомление: «Парад планет достигнет пиковой видимости в 02:14 по местному времени».

— Ну что, Мишель, — пробормотал Сергей, рисуя углем на линолеуме неровную пентаграмму. Линолеум сопротивлялся, оставляя жирные разводы. — Готов посмотреть на своего самого преданного фаната?

Он встал в центр рисунка. Положил хрусталь на ладонь. Взял щепоть полыни.

Свечи зажигать он не стал — прошлый опыт показал, что дымовые детекторы в подъезде работают лучше любой инквизиции. Вместо этого он включил на колонке запись тибетских поющих чаш. Звук получался мерзкий, синтетический, но вибрация шла правильная.

— Я взываю к тени пророка, — начал Сергей, стараясь говорить низко и раскатисто, подражая голосу Володарского из старых боевиков. — Через кровь Сатурна и слезы Луны, открой врата...

За стеной у соседей снова завывала сигнализация. Сергей поморщился, но продолжил:

— ...явись тому, кто знает цену твоей соли! Приди ко мне, ибо я знаю твои строки наизусть! Катрен два-девяносто-пять! Кровь праведника прольется...

В кармане джинсов завибрировал телефон. Высветилось имя сестры.

«Чего тебе?» — мысленно огрызнулся Сергей, сбиваясь с ритма. Отвечать нельзя. Разрыв контакта. Нарушение потока.

Он зажмурился, сжал кристалл сильнее и бросил полынь на рисунок.

— Откройся!

Ничего не произошло.

Линолеум пах жженой пластмассой от упавшей искры. Тибетские чаши продолжали фальшивить. За окном какой-то пьяница громко доказывал фонарному столбу, что тот ему должен денег.

— Да чтоб тебя, — выдохнул Сергей. — Фейковый парад? Поддельное затмение? Китайцы опять наврали с фазами луны?

Он открыл глаза.

И замер.

Воздух в центре пентаграммы больше не дрожал от звука дешевой колонки. Он густел. Темнел. Скручивался в тугую спираль, похожую на воронку в ванной, только эта воронка заса-

сывала не воду, а само пространство. Она втягивала в себя желтый свет торшера, пыль на шкафу и отражение Сергея в стекле книжной полки.

Холод ударил внезапно. Сибирский сквозняк показался легким бризом по сравнению с этим морозом. Пальцы, сжимающие серебряную ложку, мгновенно занемели.

— Вот оно, — прошептал Сергей. Адреналин ударил в голову чистым восторгом. — Работает. Старик, я иду к тебе!

Он шагнул вперед. Инструкций, что делать дальше, в тетради деда не было. Логика подсказывала, что нужно либо дотронуться до центра воронки, либо прыгнуть в нее. Сергей выбрал прыжок. Как в омут головой. Как настоящий фанат, готовый отдать жизнь за автограф кумира.

Он оттолкнулся обеими ногами от липкого линолеума и рыбкой нырнул в черную пустоту.

Вика успела купить попкорн, занять свое любимое место в восьмом ряду и даже начать проникаться драмой Капитана Америки, когда экран кинотеатра вдруг моргнул. Свет в зале вспыхнул аварийным, болезненно-белым, заставив зрителей охнуть.

— Опять щиток выбило, — проворчала женщина на заднем ряду. — Администрация, верните деньги!

Экран погас окончательно. Включилось тусклое дежурное освещение. Народ потянулся к выходу, ругая управляющую компанию и мэра.

Вика осталась сидеть. Идти домой не хотелось. Там наверняка пахнет ладаном, а брат лежит в позе зю и общается с духами ЖКХ. Лучше переждать тут. Может, кино все-таки досмотрят.

Она открыла мессенджер. Сообщений от Сергея не было. Зато мама прислала фотку кота.

Вика убрала телефон. Посмотрела на свои руки. Почему-то они слегка покалывало кончики пальцев, словно она долго держалась за батарейку. Странное ощущение. Оно поднималось от кистей к локтям, вызывая легкий зуд под кожей.

Когда через полчаса дали основной свет и объявили, что сеанс отменяется по техническим причинам, Вика вышла на улицу.

Мегион встретил ее тишиной. Неправильной, звенящей тишиной. Обычно этот город никогда не спит — всегда гудит трасса, лают собаки, где-то едет мусоровоз. Сейчас же казалось, будто звук выключили кнопкой на пульте управления миром.

Поднимаясь на свой этаж пешком (лифт стоял), Вика чувствовала, как тревога нарастает. Не мистическая, а вполне бытовая. Материнская. Братецкий точно натворил дел.

Ключ повернулся в замке бесшумно. Дверь открылась в абсолютную темноту квартиры.

— Серега, ты чего электричество экономишь? Я премии лишилась, между прочим! — бросила Вика в прихожую, щелкая выключателем.

Щелчок прозвучал гулко, как выстрел. Люстра загорелась.

Первое, что увидела Вика — это отсутствие ковра. На месте бежевого советского паласа зияло выжженное пятно идеальной формы перевернутой звезды. Паркет вокруг обуглился. В нос ударил резкий запах озона, как после удара молнии, смешанный с гарью.

Второе — открытое настежь окно. В комнату валил густой, тяжелый снег, хотя на дворе стоял сентябрь. Снежинки кружились медленно, оседая на черной саже.

Третье — фигура посреди комнаты.

Высокий мужчина в длинном темно-синем одеянии, напоминающем лабораторный халат портного, сшитый из дорогой шерсти. Черные волосы падали на плечи спутанными прядями. Борода была аккуратно подстрижена, но лицо выглядело бледным, как у человека, месяц просидевшего в подвале. В правой руке он сжимал предмет, которого Вика никак не могла ожидать увидеть в руках средневекового алхимика — ее собственную поварешку, которой она утром мешала борщ.

Мужчина смотрел прямо на нее. Его глаза расширились от ужаса. Затем сузились от крайнего изумления. Он сделал шаг назад, споткнулся об угол выгоревшей пентаграммы и рухнул на остатки дивана, который Сергей забыл выбросить.

Повисло молчание. Было слышно только, как тают снежинки, падая на горячий паркет, и как бешено стучит сердце самой Вики.

Мужчина судорожно сглотнул. Его взгляд метнулся от дымящейся звезды к люстре, затем к пластиковым стеклопакетам, потом остановился на тапочках Вики с помпонами.

— *In nomine Patris...* — прохрипел он и перекрестился левой рукой. — *Filii et Spiritus Sancti...* Где я?

Вика медленно сняла сумку с плеча. Внутри лежала пачка документов на ипотеку, ключи от кабинета и недоеденный батончик мюсли. Реальность дала такую глубокую трещину, что туда можно было провалиться целиком.

Она закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной, чтобы не упасть.

— Так, — сказала Вика максимально спокойным голосом, на который только была способна сотрудник государственного учреждения перед лицом клиента, требующего выдать справку о том, что он не верблюд. — Во-первых, положи мою половник. Во-вторых, вытри ноги. Коврик сгорел, но ламинат жалко. В-третьих... Добро пожаловать в Мегион, две тысячи двадцать шестой год. Меня зовут Виктория. А вы, судя по бороде и общему уровню драмы, наверное, Дмитрий?

Мужчина (Дмитрий, подумала она автоматически, потому что называть вслух Нострадамусом человека, сидящего на останках ее мягкой мебели, мозг отказывался) смотрел на нее так, словно она предложила ему выпить жидкого стекла.

Его пальцы разжались. Поварешка со звоном упала на пол. Мужчина поднял руку и ткнул пальцем в потолок, где ровно светила светодиодная лампочка.

— *Lumen artificiale*, — прошептал он. — Холодный огонь демонов. Без дыма. Без запаха. Вечный.

— Лампа Эра А60, девять ватт, — кивнула Вика, входя в привычный режим работы с трудными посетителями. — Оплата коммуналки до двадцатого числа, иначе отключат. Документы есть? Паспорт, вид на жительство? Хотя откуда у вас паспорт... Ладно, будем оформлять как беженца из зоны культурного бедствия. Родственники в России имеются?

Глаза мужчины наполнились слезами. Не от страха. От перегрузки. Его мозг, привыкший обрабатывать информацию со скоростью лошади, скачущей галопом, пытался переварить концепцию электрического света, пластиковых окон и девушку в синих джинсах, которая говорила о документах сразу после того, как он материализовался из воздуха.

— Мой ослик... — тихо сказал он. — Мой кабинет в Салоне... Король Генрих просил рецепт от чумы... Где мой король? Куда вы дели короля?!

— Короля съел кризис монархического строя еще в семнадцатом, — сообщила Вика, проходя на кухню. — Чай будешь? Есть зеленый, черный и в пакетиках. Пакетики — это такие маленькие тюрьмы для чая. Очень удобно. Тебе понравится.

Она щелкнула кнопкой электрочайника. Прибор зашумел, начиная нагревать воду.

Нострадамус вскрикнул, упал с дивана на колени и пополз в угол, закрывая голову руками. Он ждал взрыва. Громового раската. Божьей кары за святотатство.

Но ничего не происходило. Вода просто грелась. Тихо и методично.

Вика насыпала заварку в керамический чайник с котиками. Обернулась. Незванный гость сидел на корточках в углу, раскачиваясь взад-вперед, и что-то быстро бормотал на латыни. Судя по интонации, это была не молитва, а попытка составить логическую формулу происходящего.

— Эй, — мягко позвала Вика. — Мужик. Как тебя там... Мишель. Выходи из угла. Ботинки сними, они грязные, я тебе носки дам Сережкины, у него нога такая же огромная. И давай начистоту. Ты призрак? Галлюцинация от плохого попкорна? Или реально тот самый парень из Франции, который вечно путал астрологию с метеорологией?

Мужчина перестал раскачиваться. Медленно поднял голову. Его взгляд сфокусировался на лице Вики. В этом взгляде боролись первобытный ужас ученого перед необъяснимым и профессиональная гордость аптекаря, которого назвали лучшим диагностом эпохи.

— Я... Мишель де Нотрдам, — произнес он хрипло. — Врач. Астролог. Служитель короны.

— Приятно познакомиться, Мишель, — Вика протянула ему махровое полотенце, чтобы стереть сажу с лица. — Можешь звать меня Вика. Я работаю в Многофункциональном Центре. Это такое место, куда люди приходят плакать из-за справок. Учитывая обстоятельства, думаю, нам обоим понадобится валерьянка. У Сергея в аптечке должна быть. Только учти, таблетки круглые, глотать целиком. Жевать не надо, вкус отвратный.

Она нажала кнопку на чайнике. Щелчок прозвучал в мертвой тишине квартиры как финальный аккорд симфонии безумия.

Зима снаружи продолжала засыпать сибирский город Мегион. Внутри, среди обгоревшего паркета и запаха озона, эпоха Возрождения пыталась примириться с существованием одноразовых стаканчиков. Первая глава обмена реальностями официально началась.

Боль была первой вещью, которую почувствовал Сергей.

Не душевная боль разочарования, а тупая, пульсирующая агония в левом плече и звон в ушах. Пахло мокрой шерстью, навозом и чем-то сладко-гнилостным, вроде забродивших яблок.

Он открыл глаза.

Над ним нависал деревянный потолок, почерневший от копоти. Сквозь единственное маленькое окно, затянутое мутным пузырем, пробивался серый утренний свет. Сам Сергей лежал на чем-то жестком, накрытом соломой. Левое плечо было перетянуто грубой льняной тряпкой, насквозь пропитанной кровью.

Он попытался сесть. Голова закружилась. Мир качнулся, и желудок совершил кульбит, напомнив, что последний раз ел вчера вечером растворимую лапшу.

— Осторожнее, мэтр, — раздался скрипучий голос справа. — Вы потеряли много влаги. Я дважды пускал вам кровь, чтобы изгнать желтую желчь, но лихорадка держится.

Сергей повернул голову. На трехногом табурете сидел старик с абсолютно лысой головой и огромным, похожим на баклажан, носом. Одет он был в коричневый балахон, заляпанный подозрительными пятнами. В руках старик держал ступку, в которой растирал что-то зеленое и склизкое.

— Где я? — просипел Сергей. Горло драло так, будто он наглотался стекловаты.

— В моем доме, разумеется, — невозмутимо ответил старик. — В Салон-де-Прованс вернулись вчера ночью. На карачках. Вся ваша роба в грязи, лицо синее, дышите, как загнанная лошадь. Я думал, вас дьяволы уволокли в преисподнюю за ваши еретические книжки. Еле отбил. Пришлось святой водой побрызгать, извините, немного попала в рот, теперь во рту привкус хлорки.

Салон-де-Прованс. Лихорадка. Кровопускание. Святой привкус хлорки.

Сергей медленно опустил взгляд на себя. На нем была чужая ночная рубаха из грубого полотна. А на предплечье красовалась свежая повязка. Но поверх бинтов, чуть выше локтя, четко проступала сине-зеленая татуировка. Блокадный медицинский крест и надпись печатными буквами: «НЕ СНИМАТЬ — КРИТИЧЕСКИЙ БОЛЬНОЙ». Эту татуировку Сергей набил в прошлом году на спор, поспорив с фельдшером скорой помощи, что сможет выдержать боль без анестезии.

Старик проследил за его взглядом. Хмыкнул.

— Интересная печать. Похожа на герб гильдии мясников. Мэтр, пока вы были в беспаятельстве, к вам приходил городской прево. Спрашивал, правда ли, что вы предсказали падение Византии, глядя на мочу беременного мула. Я сказал, что чистая правда, иначе бы нас обоих отправили на костер проверять теорию плавучести ведьм. Прево оставил корзину яблок. Они гнилые, я отдал их свиньям.

Сергей провел рукой по лицу. Лицо было чужим. Узким, заросшим щетиной, с высоким лбом. Нос с горбинкой. Губы тонкие. Он ощупал подбородок — борода была на месте.

Он посмотрел на свои руки. Тонкие, длинные пальцы музыканта или хирурга. Мозоли от пестика и ступки. Никаких следов от резиновых перчаток, которые он носил на доставке медикаментов.

— Кто я? — спросил Сергей, надеясь, что ответ разрушит этот абсурдный сон.

Старик удивленно приподнял брови.

— Вы шутите, мэтр? После такого падения с колокольни память обычно возвращается к обеду. Вы — Мишель де Нотрдам. Самый разыскиваемый, проклинаемый и щедро оплачиваемый ум Франции. А я — ваш ассистент Скалигер. Тот самый, которому вы задолжали три эю за пергамент и который терпит вашу привычку варить лягушек в моем котелке для супа.

Скалигер. Юлий Цезарь Скалигер. Исторический персонаж. Главный враг и критик настоящего Нострадамуса. Человек, написавший сотни памфлетов против него.

А Сергей теперь обладал памятью Нострадамуса. Той самой, которую брат так жаждал заполучить.

Воспоминания обрушились лавиной. Рецепты мазей от геморроя. Координаты звездного неба над Авиньоном в июле тысяча пятьсот сорок седьмого года. Текст последнего письма королю Генриху Второму. Имя любовницы из Анси. Страх перед инквизицией. Любовь к чесноку.

Все это теперь принадлежало ему. Легло поверх воспоминаний о смене в травмпункте Нижневартовска и маршрутах доставки пиццы.

— Скалигер, — повторил Сергей, пробуя слово на вкус. Французский язык рождался прямо в гортани, минуя стадию обучения. — Дай зеркало.

— Мэтр, зеркала дороги, а ваше нынешнее лицо вряд ли достойно флорентийской бронзы, — проворчал ассистент, но полез в сундук. Достал небольшое оловянное зеркальце в деревянной рамке.

Сергей схватил его.

На него смотрело лицо с постеров, книг и гравюр. Лицо Мишеля де Нотрдама. Уставшее, осунувшееся, с лихорадочным блеском в глазах, но несомненно — его собственное.

— Черт возьми, — выдохнул Сергей по-русски. Слово прозвучало настолько чужеродно в этой комнате, что Скалигер перекрестился.

— Не упоминайте рогатого до завтрака, мэтр. У нас кончился уголь для жаровни, а местный кузнец отказывается давать в долг, пока вы не составите ему гороскоп. Говорит, что Меркурий ретроградный. Невежда, конечно, но посуду он чинит хорошо.

Сергей сел на кровати, игнорируя протестующее головокружение. Он осмотрелся. Низкий потолок. Маленькие окна. Сырость. Ни одного ровного угла. Запах мочи, трав и немытого человеческого тела.

Никакого центрального отопления. Никакого водопровода. Никакого интернета.

Ни одного способа вызвать такси или заказать роллы.

— Что случилось прошлой ночью? — спросил Сергей, натягивая на босые ноги холодные деревянные башмаки, которые Скалигер придвинул к кровати.

— Вы проводили эксперимент, — охотно принялся жаловаться Скалигер. — Сказали, что хотите поймать душу кометы в банку из-под варенья. Смешали нашатырный спирт, серу, толченую жабу и зачем-то плеснули туда вина урожая тридцать второго года, которое я берег на похороны. Смесь рванула так, что вылетели ставни. Вас взрывной волной швырнуло на мостовую. Я думал, Всевышний прибрал вашу еретичную душу, ан нет. Душа вернулась, но тело решило устроить забастовку. Три дня горячки.

Эксперимент. Банка. Взрыв.

Сергей потер виски. Значит, Нострадамус тоже проводил ритуал. Тот самый, открытия окна в будущее. И он сработал. Просто сработал слишком буквально.

Они поменялись телами. Или, точнее, сознаниями.

Настоящий Мишель сейчас сидит в Сибири, пьет чай из пакетиков и пугается микроволновки. А он, Сергей Игнатьев, двадцати пяти лет от роду, дипломированный специалист по внутривенным инъекциям, находится в теле величайшего шарлатана (или гения?) XVI века.

— Скажи, — медленно проговорил Сергей, глядя на помощника. — Какой сейчас год?

Скалигер отложил ступку. В его глазах мелькнуло подозрение. Болезнь мозга часто начинается с потери счета времени.

— Одна тысяча пятьсот пятьдесят пятый, мэтр. Август. Пятнадцатое число. Четверг. Солнце в Деве. Луна растет. Цены на овес стабильны. Хотите знать курс валют?

Тысяча пятьсот пятьдесят пятый.

Год, когда Европа еще оправляется от эпидемии чумы. Год религиозных войн. Год, когда аутодафе считается отличным семейным досугом.

Сергею резко захотелось обратно. В Мегион. К ворчанию Вики. К просроченным отчетам. К шуму трассы под окнами. Даже к запаху ладана.

— Одеваться, — скомандовал Сергей, вставая. Колени дрожали. — Полноценно. Роба. Шапочка. Все атрибуты.

— Мэтр, у вас кровь сочится, — напомнил Скалигер.

— Замотай крепче. Нам предстоит визит вежливости.

— К кому? Мэр города обещал посадить нас на кол, если вы не объясните, почему его жена родила черного ребенка, хотя мэр белый, как сметана.

— Нет. Мы идем в аптеку. Мне нужны ингредиенты. Много ингредиентов. Сера, мышьяк, ртуть, сурьма... И найди мне самую большую карту Европы, какую сможешь достать. Желательно, чтобы на ней уже была открыта Америка.

Скалигер вылупил на него.

— Мэтр, вы собираетесь отравить весь магистрат? Я хочу свою долю заранее.

— Я собираюсь выжить, — отрезал Сергей. — И адаптировать местное здравоохранение к нормам санитарной обработки рук. Где тут у вас ближайшая свалка? То есть, источник чистой глины?

Пока Скалигер помогал ему облачаться в тяжелую, пропахшую сушеными травами мантию, Сергей смотрел в маленькое окно. Там, по узкой улочке, сплошь покрытой лужами нечистот, брела свинья. Священная рутина средневековья.

Медбрат внутри него содрогнулся. Инфекции. Отсутствие антибиотиков. Крысы.

С другой стороны, медбрат знал анатомию. Нострадамус знал травы. Вместе они составляли идеальный симбиоз для захвата власти над этим городом.

Или хотя бы для того, чтобы никто не умер от сепсиса раньше времени.

— Мэтр, — осторожно позвал Скалигер, затягивая ремешки на его дублете. — Ваша речь стала странной. Более... четкой. И вы используете слова, которых нет во французском языке. Например, «санитарная обработка». Это новый диалект каббалы?

— Это латынь будущего, — буркнул Сергей, проверяя карманы. В одном обнаружился нож с костяной рукоятью. В другом — пустой кошелёк. — Собирайся. И предупреди булочника, что если он снова продаст мне хлеб с мышинным пометом, я предскажу ему такой финансовый крах, что его внуки будут просить милостыню в Марселе.

Сергей вышел на крыльцо сырого домика. Прохладный французский воздух ударил в легкие. Пахло свободой, страхом и огромными проблемами.

Где-то далеко, за тысячи километров и четыреста семьдесят один год вперед, его сестра Вика, вероятно, уже вызвала полицию или психиатрическую бригаду к своему новому «троюродному брату Диме».

Что ж, подумал Сергей, поправляя нелепую шапочку на голове. Кажется, смена только началась. Нужно проверить запасы спирта. И найти способ объяснить местным жителям, что мыть руки перед едой — это не происки дьявола, а базовая техника безопасности.

Он вдохнул полной грудью и решительно направился вниз по улице, перешагивая через очередную лужу.

— Ведите меня в аптеку, Скалигер, — сказал новоиспеченный пророк. — Сегодня мы изобретем антисептик.

Глава 2. «Ритуал во Франции XVI века»

Салон-де-Прованс в августе тысяча пятьсот пятьдесят пятого года пах отчаянием, жареным луком и деньгами. Деньги здесь воняли особенно сильно — смесью страха перед чумой, которая то отступала, то снова заглядывала на огонек, и жадности аристократов, желавших знать дату своей смерти с точностью до дня.

Мишель де Нотрдам стоял у открытого окна своего кабинета на втором этаже каменного дома и смотрел на площадь. Внизу, прямо посреди брусчатки, где обычно торговали требухой, сейчас горел костер. Но жгли не еретика. Жгли мусор. Городской совет Салона наконец-то расщедрился на санитарную очистку после того, как местный лекарь-самоучка публично заявил, что миазмы от гниющих овощей вызывают падучую чаще, чем гнев Господень.

— Вы смотрите на них так, будто хотите скинуть им на головы свой ночной горшок, мэтр, — раздался за спиной скрипучий голос Скалигера. Юлий Цезарь Скалигер сидел за дубовым столом, заваленным пергаменами, и пытался заточить гусиное перо. Перо сопротивлялось, брызгало черной сажой и явно хотело умереть смертью героя. — Это недостойно вашего гения. Гений должен смотреть поверх голов. Или хотя бы сквозь стены тюрьмы инквизиции, куда мы попадем, если вы не отдадите долг булочнику.

— Я думаю, Жан, — Мишель обернулся. Его лицо, обычно бледное и сосредоточенное, сегодня выглядело изможденным. Под глазами залегли тени, похожие на синяки от неудачного боксерского поединка. — Думаю о тщете нашего ремесла. Мы варим мази из жира нерожденных щенков, толчем жаб и читаем по моче беременных женщин. А они внизу радуются тому, что просто сожгли капустные кочерыжки. Прогресс человечества измеряется расстоянием от куч дерьма до кучи пепла.

Скалигер хмыкнул, отложив испорченное перо.

— Мэтр, когда вы начинаете философствовать вместо того, чтобы писать катрены, я пугаюсь. Обычно это заканчивается тем, что вы пытаетесь дистиллировать слезы девственницы или просите меня поймать молнию в банку. Последний раз, напомним, эта банка прожгла дыру в моем лучшем плаще. Плащ был кожаный. Кожа стоила три ливра.

— Молнии капризны, — вздохнул Нострадамус, подходя к столу. Он взял один из свитков. На нем была изображена сложная схема: круги внутри квадратов, символы планет, фазы Луны и странные геометрические фигуры, напоминающие чертежи безумного архитектора. — Они требуют слишком чистого неба. Нам нужно нечто более... стабильное. Окно, которое откроется по нашей воле.

Скалигер замер. Гусиное перо выпало из его ослабевших пальцев и мягко воткнулось в лужицу пролитых чернил.

— Мэтр, ради всего святого, только не говорите мне, что вы опять начитались проклятых арабских манускриптов ибн Аль-Хасана. Тот трактат чуть не отправил нас на костер в Авиньоне. Инквизитор Бонифаций до сих пор крестится левой рукой, вспоминая тот фиолетовый дым.

— Ибн Аль-Хасан был шарлатаном, но он задавал правильные вопросы, — возразил Мишель. Он выдвинул ящик стола. Внутри, завернутая в плотный бархат, лежала вещь, которой не должно было существовать в этом веке. Астролябия. Но не медная, тяжелая и неуклюжая, а легкая, почти невесомая, сделанная из материала, похожего на застывшее стекло цвета грозового неба. Она досталась ему от одного умирающего моряка в порту Марселя. Моряк бредил огромными железными рыбами, плавающими под водой без парусов, и небом, полным неподвижных звезд. Перед смертью он сунул астролябию Мишелю в руки и прохрипел: «Она показывает путь не только кораблям, но и времени. Если найдешь правильную кровь для смазки шестеренок».

Шестеренок в ней не было, но металл (если это был металл) едва заметно пульсировал холодом.

— Сегодня ночь идеальна, — продолжил Нострадамус, бережно поглаживая бархат. — Парад планет выстраивается в линию, которую не видели со времен Потопа. Луна вступит в тень Земли. Солнце закроет свой лик. Три великих светила будут искажать пространство одновременно. Древние называли это временем нулевого узла. Ткань мироздания истончается настолько, что ее можно проткнуть иглой.

— Иглой? — Скалигер побледнел еще сильнее, хотя минуту назад казалось, что дальше некуда. — Мэтр, умоляю. Давайте просто составим гороскоп для жены мэра. Напишем ей, что она похудеет, если будет меньше есть пирогов. Возьмем деньги. Купим нормальных дров, которые не стреляют искрами в лицо. И забудем об окнах в будущее. Будущее — это место, где нас гарантированно нет. Мне и здесь неплохо, пока работает моя печень.

— Ты трус, Жан, — ласково сказал Мишель. — Великий поэт и клинический трус. Именно поэтому ты мой лучший друг. Сядь. Записывай пропорции.

Он развернул схему на столе. Скалигер тяжело вздохнул, вытащил из сапога фляжку с вином, сделал большой глоток для храбрости и взялся за новое перо.

В ритуалах шестнадцатого века было много пафоса и очень мало гигиены. Сергей бы пришел в ужас от антисанитарии, но сейчас в теле Мишеля находился сам Мишель, и его желудок, закаленный нюханьем серы и дегустацией сомнительных эликсиров, воспринимал происходящее как обычный вторник.

Они спустились в подвал. Скалигер шел впереди с масляной лампой, пламя которой металось из стороны в сторону, отбрасывая на каменные стены тени, похожие на виселицы.

Подвал служил Мишелю лабораторией. Здесь стояли перегонные кубы, тигли, ступки размером с детскую голову и стеллажи, заставленные банками. В банках мариновалось все: летучие мыши, змеиные глаза, корни мандрагоры, похожие на скрюченных человечков, и заспиртованная рука казненного вора (по уверениям поставщика, праведника).

Посреди подвала уже был расчерчен круг. Мел пришлось воровать в соборе Святого Михаила. Святой Михаил, судя по всему, простил кражу, потому что гром небесный не поразиł Мишеля на месте, ограничившись лишь приступом совести, который быстро прошел после второй бутылки бургундского.

— Центр круга ориентирован строго на север, — командовал Нострадамус, проверяя углы угольником. — Черта должна быть непрерывной. Если прервется — демоны полезут наружу. Или крысы. Крысы хуже.

— Демоны хотя бы платят золотом, прежде чем забрать душу, — пробурчал Скалигер, посыпая линии круга толченой солью. — Мэтр, зачем соль? Мы же открываем окно, а не солим огурцы на зиму.

— Соль поглощает статическое электричество души, — туманно пояснил Мишель. На самом деле он и сам не знал зачем, но в книге ибн Аль-Хасана соль упоминалась трижды на каждой странице. Лучше перебдеть.

Они занесли внутрь круга ингредиенты. Список был впечатляющим даже для алхимического безумия:

Кровь черного петуха, зарезанного ровно в полночь вчерашнего вторника (пришлось резать самому, петух больно клевался и оставил шрам на большом пальце).

Капля ртути, очищенная семь раз через войлок.

Пыль с могилы некрещеного младенца (самый дорогой ингредиент, старуха-гробокопательница запросила золотой экю, ссылаясь на риск встречи с духом матери).

Осколок метеорита, упавшего в долине Роны прошлой весной (горячий, зараза, пальцы обжигает до сих пор).

И главное — та самая стеклянная астролябия.

— Время, — тихо произнес Мишель, глядя на песочные часы. Верхняя колба почти опустела. До начала полного лунного затмения оставалось две минуты.

Скалигер встал за пределами круга, прижимая к груди Библию раскрытой страницей вниз (так было страшнее и эффективнее). Мишель остался в центре.

Он начал читать. Латынь лилась рекой, смешиваясь с древнееврейскими корнями и какими-то гортанными звуками, которые язык человека, казалось, не способен воспроизвести. Голос вибрировал, отражаясь от низких сводов подвала.

Воздух стал густым. Масло в лампе Скалигера вспыхнуло зеленым пламенем и погасло. Теперь единственным источником света были сами линии круга — мел начал слабо фосфоресцировать, впитывая энергию стоящих в зените планет.

Мишель бросил в центр круга метеорит. Камень ударился о плиты с глухим стуком. Затем последовала ртуть — тяжелый серебряный шарик запрыгал по полу. Кровь петуха он плеснул на астролябию. Стеклянный прибор мгновенно впитал багровую жидкость, и голубоватое мерцание его материала сменилось на густой, рубиновый цвет.

— *Aperiatur porta!* — выкрикнул Мишель, поднимая руки. — *In nomine Trinitatis et tempore venturo!* Откройся!

Земля под ногами дрогнула. Не как при землетрясении, а словно кто-то огромный и невидимый щелкнул гигантским переключателем.

Звук изменился. Низкий гул крови в ушах пропал. Пропал запах плесени и ладана. Вместо этого в нос ударил резкий, химический аромат — смесь озона, расплавленного пластика и дешевого мужского одеколона.

Астролябия в руках Нострадамуса накалилась. Боль была адской. Металл, казалось, плавился, проникая сквозь кожу прямо в кости. Мишель хотел закричать, бросить артефакт, но пальцы свело судорогой. Прибор втягивал в себя не только кровь, но и саму жизненную силу прорицателя.

Перед глазами полыхнуло белое. Пространство в центре круга перестало быть камнем. Оно пошло рябью, как вода от брошенного камня. Из этой водной глади потянуло ледяным ветром. Сибирским, пронизывающим до костей, абсолютно чужим этому теплему прованскому августу.

— Мэтр! — закричал Скалигер, перекрывая нарастающий рев. — Ваше лицо! Оно меняется!

Мишель попытался поднять свободную руку к лицу, но не смог. Боль стала абсолютной. Белизной выжгло зрение. Он чувствовал, как его сознание, вся память о королях, катренах, чуме и предательствах друзей, вытягивается из черепа тонкой струйкой дыма, всасываясь в этот голубой водоворот.

И тогда он увидел ЕГО.

По ту сторону стекла. Там тоже был круг. Только нарисованный углем на чем-то гладком и блестящем, а не на камне. И там стоял человек. Высокий, широкоплечий, одетый в нелепую одежду из синей грубой ткани. Человек держал в руке нож. Обычный кухонный тесак.

Их взгляды встретились.

Глаза незнакомца расширились от ужаса и восторга. Он что-то беззвучно крикнул — губы шевелились, но звука не было, вакуум между эпохами пожирал слова.

Затем незнакомец шагнул вперед. Прямо в пентаграмму. Навстречу тянущей силе астролябии.

— Нет! — успел подумать Мишель. — Не делай этого! Ты не знаешь цену...

Но было поздно.

Две воли столкнулись в точке разрыва пространства. Желание Сергея увидеть кумира и желание Мишеля увидеть грядущее сплелись в тугой узел.

Ткань реальности лопнула с тихим, влажным звуком, похожим на разрыв мокрого холста.

Свет погас окончательно.

Сергей открыл левый глаз. Правый отказывался фокусироваться.

Во рту стоял вкус меди и жженных тряпок. Он лежал лицом вниз на чем-то твердом, неровном и чудовищно грязном. Пахло... Господи, как же тут пахло. Так может пахнуть только в общественном туалете вокзала после рок-фестивалла, если добавить туда нотки выгребной ямы и тухлой рыбы.

Он пошевелил руками. Пальцы наткнулись на шерсть. Живую, теплую, сопящую. Сергей поднял голову и обнаружил, что лежит на соломе, а рядом с ним спит огромная свинья. Свинья лениво приоткрыла один глаз, посмотрела на нового соседа, громко хрюкнула и продолжила спать.

Сергей отполз от свиньи на четвереньках, врезался спиной во что-то деревянное и замер.

Где он?

Последним воспоминанием был подвал брата. Вспышка. Адский холод. Лицо какого-то бородатого мужика в синем халате. И ощущение, что его мозг пропустили через мясорубку.

Он сел, прислонившись к деревянной перегородке. Огляделся.

Низкие потолки. Маленькие оконца, забранные мутной пленкой, похожей на бычий пузырь. Света мало, но достаточно, чтобы разглядеть детали. Деревянные балки, почерневшие от копоти. Пол земляной, утрамбованный тысячами ног. По стенам развешаны пучки сушеных трав, источающих горький аромат. Связки чеснока. Банки с какими-то личинками.

Это не квартира в Мегроне. Однозначно. У Сереги обои облезли, но они были бумажными, а здесь стены сложены из цельных бревен.

Он посмотрел на свои руки.

Руки были чужими. Узкими, длинными, с ухоженными ногтями. На среднем пальце правой руки красовался массивный перстень-печатка из тусклого серебра. На предплечье виднелась свежая повязка, пропитанная чем-то жирным и вонючим.

Сергей задрал рукав ночнушки (он был облачен в длинную льняную рубаху, похожую на женскую, только грубого кроя).

На коже, чуть выше локтя, темнела татуировка. Профессиональная гордость любого уважающего себя медбрата — группа крови и медицинский крест. Только выведено это было криво, самодельной тушью, и надпись на латыни гласила: «Sanguis II+». Рядом красовался рисунок, больше похожий на раздавленную лягушку, чем на звезду жизни.

— Что за чертовщина... — прошептал Сергей.

Его собственный голос прозвучал иначе. Выше, мелодичнее, с легким грассирующим акцентом. Французским. Откуда сибирский парень, работавший медбратом в службе доставки еды, знал французский настолько хорошо, чтобы понимать звучание собственного акцента?

Ответ пришел сам собой. Вместе с картинкой.

Он сидит в кабинете. Круглый стол. Свечи. Старик с огромным носом смотрит на него с обожанием идиота. Имя всплыло само: Скалигер. Юлий Цезарь Скалигер.

Воспоминания текли двумя потоками. Один принадлежал Сергею: доставка роллов «Филадельфия» вечно недовольному клиенту на девятом этаже; ссора с сестрой из-за запаха ладана; инструкция по внутривенному введению глюкозы.

Второй поток принадлежал телу, в котором он оказался: рецепт пластыря от гнойных ран на основе меда и пчелиного воска; страх перед папским легатом; знание того, что Сатурн находится в созвездии Скорпиона и это плохо для урожая винограда.

Два сознания сидели в одной голове, как два враждующих кота в одном мешке.

— Значит, сработало, — вслух констатировал Сергей голосом Мишеля де Нотрдама. — Попаданчество эконом-класса. Без обратного билета.

Дверь в комнату со скрипом открылась. На пороге возник давешний старик с баклажанным носом. В руках он держал таз с теплой водой и чистую тряпицу.

— Мэтр! — воскликнул старик с облегчением, переходящим в панику. — Хвала Всевышнему! Вы очнулись! Я думал, святой Иоанн Предтеча прибрал вашу душу раньше срока. Как ваша голова? Видения оставили вас? Или архангел Гавриил все еще шепчет вам на ухо курс обмена флорина к дукату?

Старик подошел ближе. Сергей инстинктивно дернулся назад, вжимаясь в стену. Медбратская часть его мозга кричала об инфекции. Этот тип наверняка не мыл руки с рождения.

— Кто... кто пустил сюда свинью? — выдавил Сергей первое, что пришло в голову, кивнув на спящее животное.

Скалигер проследил за его взглядом. Удивление на его лице медленно сменилось привычным раздражением служащего, уставшего от причуд начальника.

— Мэтр, это ваша идея. Неделю назад вы заявили, что желаете постичь суть низменной материи изнутри. Сказали, что будете спать со скотиной, чтобы понять страдания крестьянства. Спали вы отвратительно, крестьяне храпят громче епископа, зато написали гениальный катрен про розовое пятно на боку борова. Кстати, мэр требует продолжения банкета, говорит, предсказание спасло его урожай яблок. Когда мы будем получать деньги? Моя жена хочет новую юбку.

Сергей потер виски. Головная боль пульсировала в такт сердцу.

— Жан... — осторожно начал он, стараясь подобрать слова, которые поймет средневековый человек. — Скажи мне... какой сейчас год? И почему здесь так воняет идеей отсутствия канализации?

Скалигер замер с тряпицей в руке. Вода из таза капала прямо на земляной пол.

— Мэтр, — очень медленно и четко произнес он. — Сегодня пятнадцатое августа. Одна тысяча пятьсот пятьдесят пятый год от Рождества Христова. Мы в городе Салон-де-Прованс. Канализации здесь нет ни у кого, кроме архиепископа Экса, но к нему мы в гости не пойдем, он считает вас дьяволом. А воняет, потому что вчера золотарь опрокинул телегу прямо у наших ворот, и вы лично благословили эту кучу словами: «Пусть удобрит почву моего вдохновения».

Тысяча пятьсот пятьдесят пятый. Франция. Чума, инквизиция, отсутствие антибиотиков и горячей воды из крана.

Сергей почувствовал, как холодный пот выступает на лбу.

— Золотарь... — повторил он механически. — То есть, ассенизатор. Специалист по вывозу биологических отходов. Где он живет? Мне нужен список его клиентов. И ведро хлорки. Много хлорки.

Скалигер перекрестился.

— Мэтр, вы бредите. Хлорка — это морской демон? Хотите принести ему жертву? У нас осталась одна курица, но она несет яйца, жалко.

— Курицу оставить, — отрезал Сергей, вставая. Земля качнулась, но ноги удержали. Медбратская выучка брала свое: шок проходит быстрее, если занять тело физическим действием. — Ведро дай. Любое. И кипяченой воды. Литров десять. И мыло. Настоящее мыло, Жан, а не ту золу с жиром, которой вы моете овец.

Он подошел к окну. Распахнул створку. В лицо ударил теплый ветер, несущий запах полей и чего-то нестерпимо гниющего неподалеку.

Там, за окном, шумел чужой век. Звенели подковы, орал уличный торговец рыбой, плакал ребенок. Никаких машин. Никакого Wi-Fi. Никаких электронных очередей в МФЦ.

Только грязь, смерть и неограниченные возможности для модернизации местной медицины.

— Десять литров кипятка, — повторил Сергей, поворачиваясь к остолбеневшему Скалигеру. — И найди мне самую большую карту города. Начнем с дезинфекции твоих рук. А потом займемся мэром. Судя по твоей болтовне, он нам должен. Долг платежом зелен, особенно если вексель выписан под угрозой эпидемии дизентерии.

Скалигер сглотнул, поставил таз на пол и попятился к двери.

— Мэтр... Вы точно не одержимы? Архангелы редко интересуются канализацией и налоговыми недоимками.

— Я не архангел, Жан, — усмехнулся Сергей, впервые чувствуя, как непривычно растягиваются эти французские лицевые мышцы. — Я гораздо хуже. Я — дипломированный специалист санитарно-эпидемиологического надзора из будущего. Добро пожаловать в новый порядок. И убери отсюда свинью, пока я не назначил ей ректальное обследование. У меня настроение лирическое, но рабочее.

Дверь захлопнулась. Сергей остался один в комнате великого провидца.

Он посмотрел на свои тонкие, интеллигентные руки врача и алхимика. Посмотрел на закатанные рукава, открывающие современную медицинскую татуировку.

Год тысяча пятьсот пятьдесят пятый.

Что ж, подумал он. Гиппократу и не снилось.

Тем временем в Сибири ситуация развивалась по законам жанра абсурдистской комедии положений.

Вика сидела на табуретке в кухне и смотрела, как мужчина в темно-синем домашнем халате Сергея (халат был куплен на распродаже в «Спортмастере» и изображал логотип хоккейной команды «Ак Барс») пытается совершить телефонный звонок.

Мужчина тыкался тонким пальцем в экран смартфона, который Вика бросила ему на колени полчаса назад.

— Дима, — вкрадчиво позвала Вика. — Димочка. Нажми зеленую трубку. Потом приложи вот эту штуку к уху. Нет, не той стороной, где камера. Другой.

Мишель де Нотрдам, волею судеб ставший обладателем памяти двадцатипятилетнего сибиряка, дрожал. Знания Сергея лежали в его голове мертвым грузом, как тяжелые камни. Он понимал, что такое «смартфон». Формула понимания всплывала сама собой: портативный терминал связи, использующий протоколы передачи данных через радиоэфир посредством модуляции электромагнитных волн.

Но одно дело — знать формулу. Другое — видеть, как иконка с изображением красной трубки издевательски мигает, отказываясь соединиться с абонентом «Бубонная чума_95», которым Сергей зачем-то подписал номер участкового терапевта.

— Энергия уходит в никуда, — прошептал Мишель, глядя на индикатор заряда батареи (6%). — Демон скуки пожирает жизнь кристалла.

— Это батарейка садится, деревенский ты мой, — вздохнула Вика. — Все, поставь на зарядку. Воткни провод в дырку внизу.

Мишель послушно взял шнур. Разъем Туре-С никак не хотел попадать в гнездо. Пророк, способный вычислить падение династии Валуа по положению Венеры, тупо вертел пластиковую палочку, пытаясь найти вход.

Вика отобрала у него телефон.

— Ладно, чудо заморское. Сиди смирно. Сейчас будем оформлять тебе легенду.

Она открыла ноутбук. Загрузилась база данных МФЦ Ханты-Мансийского автономного округа. Пальцы Вики летали над клавиатурой со скоростью пулемета.

— Значит так, — сказала она, не отрывая взгляда от монитора. — Ты — Дмитрий Сергеевич Нотрдамов. Фамилия адаптирована. Родился в деревне Нижние Карасы Тюменской области. По вероисповеданию — старообрядец-беспопoveц. Почему старообрядец? Потому что твои объяснения про ангелов и звезды сойдут за религиозный фанатизм, никто не удивится. Почему беспопoveц? Потому что справку о крещении мы тебе печатать не будем, сэкономим бумагу. Причина переезда в Мегион — духовный поиск и конфликт с отцом из-за нежелания пасти коров.

Мишель слушал, наклонив голову набок, как любопытный ворон. Каждое слово отдавалось в его мозгу двойным смыслом. Он понимал современный русский благодаря знаниям Сергея, но концептуально фраза «конфликт из-за коров» звучала для него как описание феодальной междоусобицы.

— Зачем столько слов? — спросил он. — Чтобы войти в город, достаточно грамоты с печатью прево. Или рекомендательного письма от епископа. Ваша бюрократия сложнее конклава кардиналов.

— Дима, — терпеливо сказала Вика, нажимая кнопку «Распечатать». — Это Россия. Тут без справки о том, что ты существуешь, тебя даже в библиотеку не пустят. А справка выдается только на основании другой справки. Это называется системность. Понял?

— Понял, — кивнул Мишель. — Заколдованный круг документов. Чтобы получить Жизнь, нужна Справка о Жизни. Чтобы убить врага, нужна Жалованная грамота на убийство. У вас тут везде инквизиция, просто она называет себя Государством.

Вика распечатала временную справку о личности на обычном листе А4, украшенном гербом Югры.

— Держи. Первое время сойдет. Завтра идем в настоящий МФЦ. Я проведу тебя через служебный вход, минуя электронную очередь. Иначе ты там посидеешь. Люди ждут талончика по четыре часа. Для человека, привыкшего решать вопросы взяткой фазану, это будет культурный шок.

Мишель взял теплый лист бумаги. Повертел его. Понюхал.

— Странная магия, — заключил он. — Ни капли крови девственницы, ни щепотки кладбищенской пыли. Только пыль древесная. Но власть колоссальная. Эта бумага разрешает мне дышать вашим воздухом бесплатно.

— Это паспорт, деревня, — фыркнула Вика, закрывая ноутбук. — А теперь переодевайся. Халат «Ак Барса» оставь, он тебе идет, придает национальный колорит. Джинсы надевай. Осторожнее, ширинка металлическая, палец не прищеми.

Пока Мишель путался в современной одежде (застежка-молния показалась ему восьмым чудом света, сложной инженерной загадкой), Вика заваривала чай.

Она старалась не смотреть на ожог на его плече. Станный символ, похожий на медицинский, но нанесенный кустарно. И дата. Год две тысячи двадцать четвертый. Брат никогда не говорил ей про такие татуировки. Впрочем, брат вообще многого ей не говорил. Например,

откуда у него в рюкзаке взялась книга «Практическая демонология XV века» с закладками на страницах про астральные перемещения.

— Вика, — позвал Мишель из комнаты. Голос его приглушила ткань толстовки. — Мой ассистент... Скалигер. Он думает, что я одержим бесом чистоты. Я приказал ему кипятить воду. Он молился.

— Поддерживай имидж, — отозвалась Вика. — Скажи, что это епитимья. Или новая каббалистическая практика. Главное, не пускай его к газовой плите. Если он взорвет нашу кухню, мама нас убьет. Мама у нас хирург, она знает, как правильно расчленять людей, не оставляя следов.

Мишель появился на пороге кухни. Выглядел он комично и трагично одновременно. Толстый синий халат торчал из-под узких черных джинсов. На ногах болтались огромные тапочки-зайчики, оставшиеся от какого-то бывшего ухажера Вики. Бородатый профиль с высоким лбом нависал над этим современным нарядом, создавая впечатление театрального реквизита.

— Куда мы идем завтра? — спросил он, принимая чашку с чаем. Чай он сначала понюхал с подозрением, затем попробовал кончиком языка и лишь потом сделал глоток. — В вашем мире опасно. Магия повсюду, но она слепа. Эти коробки, излучающие свет... Эти повозки без лошадей, смердящие черной водой... Ваши люди ходят с пустыми глазами, уткнувшись в ладони. Они отдают свою волю стеклу.

— Это интернет, — пояснила Вика. — И соцсети. Место, где люди пишут гадости тем, кого никогда не встретят. Очень похоже на ваши памфлеты, кстати. Только тираж побольше.

— Я хочу обратно, — вдруг тихо сказал Мишель. Взгляд его на секунду потерял фокус, устремившись куда-то сквозь стену хрущевки. — Там мои книги. Мой кабинет. Мой враг Скалигер, которого я понимаю. Здесь... здесь я призрак. Даже имя мое — фальшивка, напечатанная на принтере.

Вика помолчала. Поставила свою чашку на стол. Звук керамики прозвучал неожиданно громко.

— Серега тоже провалился, — сказала она ровным голосом. — В твой тысяча пятьсот пятьдесят пятый. Координаты сошлись. Вы поменялись.

Мишель вскинул голову. Книга знаний в его голове услужливо подбросила термин: Квантовая запутанность. Обмен телами при идентичности намерения в момент сингулярности.

— Ваш брат... Сергей. Он там? В Салоне?

— Да. И зная Серегу, он уже пытается прочесть лекцию парижскому прево о пользе презервативов и вреде курения кальяна, — Вика позволила себе короткую улыбку, но глаза оставались серьезными. — Он жив. Здоров. Наверное. У него есть твои воспоминания. Он знает латынь. Знает травы. Выживет. Он упрямый.

— А я? — спросил Мишель. — Что делать мне? Я знаю, как лечить короля Франциска от импотенции настойкой из оленьих рогов, но я не знаю, как оплатить счет за отопление!

— Во-первых, индивидуальное отопление, котел у нас газовый, платить будешь по квитанции, я покажу где, — начала загибать пальцы Вика. — Во-вторых, работать. Сидеть на моей шее ты не будешь, я бюджетник, мне ипотеку платить. Пойдешь курьером. Работа простая: берешь сумку, приезжаешь по адресу, отдаешь пакет, забираешь деньги. Людей кусать нельзя, даже если они просят заказать доставку осетрины первой свежести в два часа ночи.

Зубы чистить дважды в день. Душ принимать ежедневно. И никакого ладана. Соседи вызовут пожарных.

Мишель выслушал инструкции с видом генерала, принимающего капитуляцию вражеской армии.

— Курьер, — повторил он. — Вестник. Почти герольд. Приемлемо. Я могу предсказывать пробки ваших железных повозок?

— Яндекс-навигатор справляется лучше, но можешь попробовать. Только если скажешь водителю, что Сатурн велит ему ехать на красный свет, выходи из машины сам, штраф оплачивать не буду.

Они допили чай в тишине. За окном продолжал идти сентябрьский дождь, смывая с улиц Мегиона остатки аномальной жары.

Закончив с посудой, Вика подошла к шкафу в коридоре. Достала оттуда старый походный рюкзак.

— Держи, — она швырнула его Мишелю. — Сложи туда зубную щетку, смену белья и книгу. Какую-нибудь. Тебе же скучно будет сидеть в машине доставки. Почитаешь. Только не бери ничего про экзорцизм, соседи пугливые.

Мишель поймал рюкзак. Кожзам жалобно хрустнул в его аристократических пальцах.

— Вика, — сказал он внезапно охрипшим голосом. — Твой брат... Сергей. Он ведь попытается вернуться. Ритуал можно повторить. Нужны те же компоненты.

— Месяц назад можно было, — пожала плечами девушка, возвращаясь к раковине. — Пока твоя хваленая астробляха валялась в мусоре возле мэрии Салона, а у нас тут сгорел трансформатор на подстанции. Окно закрылось. Прошел месяц. Континуум стабилизировался.

Она повернулась. Вытерла руки полотенцем.

— Год, Дима. У нас ушел целый год на то, чтобы собрать аналоги всех ингредиентов заново. Сера нашлась в магазине удобрений. Ртуть выкупили у знакомого стоматолога. А вот слезу некрещеного младенца заменять пришлось сиропом корня солодки. Химическая формула похожа, вибрационный фон слабее, но других младенцев под рукой не оказалось. Нарушение СанПиН, знаешь ли.

Мишель смотрел на нее во все глаза. Год. Целый год он жил здесь. Ходил по этим улицам. Ел эту еду. Спал в этой кровати. А она... она весь этот год пыталась вернуть его домой. Искала ртуть. Договаривалась со стоматологами. Изучала формулы.

— Зачем? — выдохнул он. — Зачем тебе тратить год жизни на возвращение самозванца? Ты могла сдать меня властям. Или церкви. Или просто выгнать.

Вика грустно усмехнулась.

— Потому что он мой брат. Единственный, хоть и придурок. И потому что оставлять настоящего Нострадамуса в российской глубинке без присмотра — это угроза национальной безопасности. Представь, что ты научишь местных бабушек варить виагру из крапивы. Пенсионный фонд рухнет через неделю от наплыва бодрых дедов.

Она подошла ближе. Легонько щелкнула его по высокому лбу.

— А еще потому, что ты, Мишель, ходишь по моей квартире босиком, ставишь ноги на коврик правильной стороной и ешь гречку так, будто всю жизнь питался в заводской столовой. Ты адаптировался. И если честно, ты единственный адекватный мужик, которого я встретила

за последние три года. Так что терпи. Завтра у тебя первый рабочий день в доставке суши. Постарайся не перепутать ролл «Филадельфия» с философским камнем.

Мишель де Нотрдам, пророк, врач королевской крови и вынужденный курьер службы доставки, моргнул. А затем рассмеялся. Впервые за этот бесконечный вечер смех его прозвучал искренне, звонко и совершенно не по-шестнадцативековому.

— Философский камень растворяет металлы, — отсмеявшись, заметил он. — Надеюсь, ваш ролл делает это менее эффективно. У меня слабые зубы.

— Ой, всё, иди спать, чудо, — махнула рукой Вика, выключая свет в кухне. — Завтра подъем в шесть утра. Доставка сама себя не сделает. Welcome to the real world, Neo.

Она ушла в свою комнату, оставив дверь приоткрытой.

Мишель остался стоять в темноте коридора, освещенном лишь тусклым огоньком индикатора на роутере. Он провел рукой по стене. Гипсокартон. Ровный, холодный, мертвый.

Знания Сергея подсказывали названия каждого предмета вокруг. Роутер. Проводка. Линолеум. Но сердце билось в ритме другого века.

Он подобрал с пола брошюру, выпавшую из рюкзака. «Памятка курьеру: стандарты обслуживания клиента».

Усмехнулся. Социальная сатира достигла своего апогея. Величайший мистик Европы будет учиться вежливо спрашивать: «Вам приборы нужны?»

Мишель пошел в гостиную, упал на диван, укрылся тяжелым вязаным пледом и закрыл глаза.

Сон пришел мгновенно, глубокий и черный, как нефть. Ему снились бескрайние поля пшеницы под низким небом и маленькая аптека в Салоне, где Сергей Игнатьевич отчаянно пытается объяснить местному цирюльнику принцип работы одноразового шприца.

Утро в Салон-де-Провансе началось с криков.

— Мэтр! Мэтр Нострадамус! Просыпайтесь! Нас пришли арестовывать! Кажется, это доминиканцы! У них такая красивая красная форма!

Сергей подскочил на кровати, хватая воздух ртом. Сердце колотилось где-то в районе горла. Над ним нависал Скалигер, тряс его за плечо.

За дверью действительно слышался тяжелый, размеренный топот нескольких пар сапог. И металлический лязг.

— Сколько времени? — просипел Сергей, скатываясь с постели и судорожно ища глазами штаны.

— Около семи утра! Рассвет! Самое время для ареста еретиков! Мэтр, я спрятал золото под половицей в сортире! Если меня убьют первым, скажите, что ключ был проглочен!

Доминиканцы. Красивые красные кресты на белых хабитах. Спецназ Ватикана.

Сергей схватил со стула свою мантию. Шелк приятно охлаждал пальцы. Он понятия не имел, что именно натворил настоящий Мишель накануне, но догадывался: если к тебе ломаются монахи с официальным визитом в семь утра, хорошего не жди.

— Так, Жан, спокойно, — Сергей постарался придать голосу максимальную авторитетность, подражая старшим врачам реанимации, когда тех вызывали разбираться с пьяным дебоширом. — Никто никого не убивает. Доминиканцы любят порядок. Открой дверь. Широко. Улыбаемся и машем.

— Вы здоровы?! — взвыл Скалигер. — Они пришли насаждать любовь Господа через плоскогубцы для ногтей!

— Жан, принеси мою аптечку. Ту кожаную сумку с красным крестом. Быстро. И стакан воды.

Скалигер вытаращился на него так, словно Сергей предложил выпить яду в присутствии инквизитора.

— Мэтр, вы собираетесь лечить доминиканцев? У них топоры и благословение Папы! От этого нет мази!

— Принеси, я сказал! — рявкнул Сергей, окончательно просыпаясь. Медбрат внутри него брал верх над паникующим сознанием путешественника во времени. — Это не для них. Это для нас. Если они начнут махать железом, у кого-то из нас подскочит давление. И это будешь ты. Аритмия плохо сочетается с допросами третьей степени.

Пока Скалигер трясущимися руками копался под кроватью, извлекая оттуда саквояж (Сергей узнал его — стандартный медицинский набор того времени: ланцеты, банки для кровопускания, свинцовая клизма), стук в дверь прекратился. Наступила звенящая тишина, которая пугала гораздо сильнее, чем грохот.

Затем раздался тяжелый удар. Не пинок, а именно официальный, властный удар кулаком в дубовые доски.

— Именем Святой Католической Церкви и Святейшей Инквизиции, откройте! — Голос был гулким, лишенным эмоций и привыкшим отдавать приказы в склепах.

— Иду-иду, господа хорошие! — неожиданно бодрым голосом отозвался Сергей. Он быстро плеснул себе в лицо водой из кувшина, размазав по щекам остатки вчерашней ритуальной сажи. Выглядел он сейчас как панк после неудачного рок-концерта, но глаза горели лихорадочным блеском ясности.

Он подошел к двери, запахивая мантию. Шелк соскользнул с плеча, открывая татуировку «НЕ СНИМАТЬ». Сергей мысленно перекрестился. Если эти ребята заметят современные чернила под средневековым рукавом, объяснять придется уже демонам в аду.

Щелкнул засов.

На пороге стояли трое. Двое громил в кольчугах, больше похожих на вышибал из преисподней, держали в руках протазаны. Между ними стоял человек в черной сутане. Лицо его было сухим, желтоватым, а губы сжаты в такую тонкую линию, что казалось, их нарисовали циркулем. В руке он сжимал не распятие, а свиток пергамента, скрепленный массивной восковой печатью.

— Мэтр Мишель де Нотрдам? — спросил человек в черном. Его взгляд прошелся по фигуре Сергея, задержался на спутанных волосах и безумном выражении глаз, но профессионально остался невозмутимым.

— К вашим услугам, святой отец, — Сергей слегка поклонился, стараясь держать спину прямо. — Чем обязан визитом сынов Господа в столь ранний час? Надеюсь, кто-то из соседей

наконец-то перестал мочиться в переулке и решил пожертвовать собору? Я всегда говорил мэру, что общественные уборные спасут город от холеры...

Инквизитор моргнул. Один раз. Очень медленно.

— Мы здесь не по поводу городской канализации, мэтр. Хотя мысль здравая. Но мы обсудим ее позже. У меня предписание магистра Тулузы. Вы обвиняетесь в ереси, незаконном предсказании будущего без лицензии Парижского университета и изготовлении ядов под видом лекарственных средств.

Сергей облегченно выдохнул. Громко, театрально, заставив обоих стражников положить руки на рукояти мечей.

— Всего-то? — фыркнул он. — А я думал, опять мэр жалуется на то, что я назвал его жену беременной бегемотихой в базарный день. Проходите, садитесь. Только ноги вытрите, я вчера полы хлор... травами мыл. Дышать тяжело.

Он посторонился, широким жестом приглашая гостей в лабораторию. Доминиканцы вошли, озираясь. Их взгляды скользнули по колбам, сушеным ящерицам и черепу на полке. Череп принадлежал козлу, но выглядел достаточно зловеще, чтобы создать нужную атмосферу творческой интеллигенции.

— Мэтр, ваша репутация опережает вас, — продолжил инквизитор, оставаясь стоять посреди комнаты. Стражники встали по бокам от него, закрывая свет. — Король Генрих Второй ценит ваши катрены. Королева-мать Екатерина Медичи носит ваш амулет от сглаза. Но Церковь должна следить за чистотой веры. Этот порошок... — он достал из складок рясы маленький мешочек. — Найден в комнате вашей служанки. Говорят, вы даете его ей, чтобы она забывала о своих грехах на исповеди. Это белена?

Сергей прищурился. Подошел ближе. Наклонил голову, втянул носом воздух над мешочком. Затем взял щепоть порошка двумя пальцами, растер между подушечками и попробовал кончиком языка.

Вкус был горьковато-соленым, металлическим.

— Бромид калия, — вынес вердикт Сергей. — Успокаивающее. Девочка рыдает ночами, потому что боится темноты. У нее нервная конституция. Я прописал ей микстуру. Она спит сном праведника и не видит кошмаров. Никакого оккультизма, чистая химия нервной системы. Хотите попробовать? Отлично снимает тремор рук перед долгими проповедями.

Инквизитор отступил на шаг назад.

— Вы употребляете дьявольские снадобья сами, мэтр?

— Исключительно после обеда, запивая вином, — парировал Сергей. — Иначе моя печень бунтует, а гневить Бога плохим пищеварением — вот где настоящая ересь, святой отец. Присаживайтесь. Раз уж вы пришли, давайте заполним анамнез. Что конкретно беспокоит вашу епархию?

Священник побагровел. Свиток в его руке хрустнул.

— Ваша дерзость чудовищна! Вы смеетесь над Святой Палатой!

— Я смеюсь над язвой желудка, которую наживет любой дознаватель, если будет вставать в пять утра ради таких пустяков, — Сергей улыбнулся самой своей обезоруживающей улыбкой медбрата, который сообщает пациенту, что укол будет быстрым. — Послушайте. Я уважаю структуру. Я сам бюрократ до мозга костей. Давайте начистоту. Мэр Салона хочет наложить

лапу на мой дом. Ему не нравится, что ко мне ходит больше людей, чем в ратушу. Он написал на меня донос. Формулировки стандартные: летающие жабы, договор с Сатаной, кража мощей святого. Мощей у меня нет, жаб я боюсь, а Сатана мне задолжал три эю и прячется. Проверка займет десять минут, мы выпьем вина, вы напишете отчет, что я душевнобольной, но безвредный ученый, и пойдете завтракать. Как вам план?

Один из стражников хрюкнул. Второй сделал вид, что крайне заинтересован узором на потолочной балке. Даже суровый инквизитор дрогнул уголком рта.

— План приемлем, — сухо согласился священник. — Но сначала осмотр помещения. По протоколу.

— Осматривайте, — кивнул Сергей. — Жан, будь добр, покажи господам наш инвентарь. Особенно ту банку с заспиртованным ягненком. Скажи, что это гомункул. Они любят такие истории, потом пишут об этом трактаты, тиражи продаются отлично.

Скалигер, который все это время стоял бледный как полотно у стены, икнул и деревянными шагами двинулся к стеллажу.

Осмотр превратился в фарс. Сергей комментировал каждый предмет с точки зрения современной химии и физики, доводя святых отцов до тихого помешательства:

— Нет, это не кровь дракона. Это сульфат меди. Синее, потому что электрон переходит с d-орбитали на s-орбиталь, выделяя фотон. Физика, падре, великая вещь.

— Мандрагора кричит при выкапывании? Чушь. Корень трется о грунт, создавая акустическую вибрацию. Эффект Доплера в чистом поле.

— Астролябия? О, это мое сокровище. Показывает положение звезд. Очень помогает определять, когда лучше сажать репу, чтобы налоги собирать в урожайный год. Благословение экономики, можно сказать.

Через полчаса главный инквизитор сидел в единственном кресле, которое не скрипело, и массировал переносицу.

— Мэтр Нострадамус, — произнес он глухо. — Вы либо величайший еретик нашего века, маскирующий магию наукой, либо самый остроумный сумасшедший Европы. В любом случае, вы опасны. Ваше знание слишком глубоко для смертного.

— Знание — это просто память, умноженная на наблюдательность, — пожал плечами Сергей. Он чувствовал себя великолепно. Адреналин приятно грел кровь, а манипуляция людьми оказалась почти такой же увлекательной, как уговорить пьяного вдрызг пациента сдать мазок из горла. — Запишите в свой протокол: «Обладает острым языком, рекомендуется применять осторожно».

Инквизитор свернул чистый лист пергамента, который достал вместо конфискованного доноса мэра.

— Я доложу в Авиньон, что ваше прорицание есть результат глубокого изучения астрономии и сомнительных восточных трактатов. Епископат решит вашу судьбу. До тех пор... не уезжайте из города.

— Куда ж я уеду, — вздохнул Сергей. — Денег нет даже на осла. Все уходит на серную кислоту. Знаете, какая дорогая нынче качественная кислота? Грабеж среди бела дня.

Доминиканцы молча развернулись и вышли. Стражники старались не смотреть Сергеем в глаза, пряча ухмылки в бороды. Дверь захлопнулась. Тяжелый деревянный брус снова лег в пазы.

В лаборатории повисла тишина. Было слышно только, как в углу скребется мышь.

Скалигер сполз по стене на пол.

— Мэтр... — прошептал он. — Вы разговаривали с Главным Искарриотом Тулузы так, будто продавали ему подпорченную селедку. Вы сошли с ума от удара молнии. Теперь вы бессмертны и неуязвимы для страха?

— Жан, — Сергей устало опустился на табурет. Плечо под повязкой дернуло болью. — Я двадцать пять лет прожил в стране, где слово чиновника весит больше, чем слово Бога, а бумажка с печатью может остановить цунами. Инквизиция — это просто МФЦ шестнадцатого века. Те же очереди, те же идиоты в окнах, только вместо талончиков электронные — дыба. Главное правило выживания: говори уверенно, сыпь терминами, которые они не понимают, и делай вид, что оказываешь им услугу своим присутствием. Понял?

Скалигер смотрел на своего хозяина влюбленными глазами фанатика.

— Вы посланы нам Небесами, мэтр. Или Преисподней. Я еще не решил, куда жертвовать десятину.

— Жертвуй булочнику, — отрезал Сергей. — Долг превышает метафизику. А теперь дай мне иглу и шелковую нить. Ритуал обмена стоил мне здоровья, плечо разошлось. Будем шить по живому. Обезболивающего у тебя, конечно, нет?

— Есть маковая настойка! — оживился ассистент.

— Выливай. Мне нужна трезвая голова. Нам через два часа к аптекарю. Нужно закупаться. Покажешь мне, где тут у вас продают чистую ртуть, или мне придется взорвать вторую половину улицы?

Тем временем в Мегиионе утро началось с запаха кофе и звука работающего принтера.

Вика стояла у окна кухни и смотрела, как Мишель пытается завязать шнурки на кроссовках. Процесс напоминал попытку укротить двух разъяренных змей голыми руками. Пророк, знающий тайны небесных сфер, пасовал перед полимерным волокном.

— Может, тебе купить слипоны? — предложила Вика, отпивая из кружки. — Или кеды на липучке? Велкро, слышал про такое? Величайшее изобретение человечества после колеса и туалетной бумаги.

— Эти веревки оскорбляют мое достоинство, — пропыхтел Мишель. Наконец справившись с одним ботинком, он перешел ко второму. — В моей юности обувь застегивалась серебряными пряжками. Это занимало мгновение и звучало благородно. Щелк. А это... это звук поражения.

— Это звук логистики, Дима, — усмехнулась Вика. — Готов? Сегодня твой дебют. Сумка тяжелая, район сложный, люди голодные и злые с утра.

Она протянула ему ярко-желтый дождевик с логотипом службы доставки «Птица-Тройка». Логотип изображал курьера на самокате, почему-то имеющего крылья.

— Надевай. Ты должен быть ярким. Чтобы водители видели тебя издалека и успевали посигналить.

Мишель облачился в синтетическую ткань. Оглядел себя.

— Я похож на канарейку, которой Господь напороочил уныние.

— Ты выглядишь стильно, — заверила его Вика. — Держи планшет. Здесь адреса. Нажимаешь сюда — подтверждаешь прибытие. Сюда — подтверждаешь уход. Если клиент хамит, ставишь пометку «Проблемный», бонусы капают выше. Понял экономику возмездия?

— Понял, — кивнул Мишель. Система штрафов и бонусов показалась ему удивительно стройной формой современной магии. — А если еда остынет?

— Тогда ты умираешь, — серьезно сказала Вика. — Шучу. Просто пишешь заявление. Ладно, инструктаж окончен. Маршрут загружен. Там роллы, пицца и один сетевой маркетинг с пробниками шампуня. Не перепутай. Пробники клиентам, шампунь себе, если закончится.

Они вышли из подъезда. Сентябрьский сибирский воздух встретил их сыростью и запахом асфальта.

У подъезда стоял старенький электросамокат бордового цвета. На руле болталась вторая сумка.

— Вот твой Росинант, — Вика похлопала по сиденью. — Аккумулятор заряжен на сорок процентов. Хватит на четыре рейса, потом поставишь в подъезде на зарядку, скажешь соседям, что это арт-объект.

— Он живой? — Мишель с опаской коснулся руля. — Сам движется?

— Электричество. Магия проводов. Садись.

Мишель взгромоздился на самокат. Тонкие ножки в широких штанинах джинсов выглядели нелепо. Он схватился за руль мертвой хваткой.

— Как привести его в движение? — спросил он, глядя на дисплей.

— Правой ручкой давишь плавно вперед. Это газ. Левым рычагом — тормоз. Только не одновременно, а то станцуешь сальто через руль. Центр тяжести ниже. Колени согни.

Мишель неуверенно толкнулся ногой, затем нажал на газ. Самокат тихо загудел и резво прыгнул вперед. Пророк вскрикнул, вцепился в руль так, что побелели костяшки, и понесся вдоль дома, виляя из стороны в сторону.

— Вика! — донеслось издалека. — Демон скорости пожирает мои годы! Я лечу быстрее мысли!

— Газ сбрось, деревня! — крикнула она вслед, давась смехом. — Сбрось газ, говорю!

Самокат вильнул, врезался колесом в бордюр и замер. Мишель вылетел из седла, совершил красивый кувырок в воздухе, которому позавидовал бы любой акробат, и приземлился в куст шиповника возле детской площадки. Желтый дождевик вспыхнул на солнце, как сигнал бедствия.

Из окон начали высовываться головы любопытных жильцов.

Мишель поднялся. На желтом пластике дождевика зияла дыра. Из царапины на щеке сочилась кровь. В волосах запутались листья.

Он посмотрел на свои ладони, потом на самокат. Потом перевел взгляд на окно третьего этажа, где стояла Вика, беззвучно хохоча и вытирая слезы.

Мишель поправил съехавшую набок кепку с логотипом доставки. Сплюнул песок.

И вдруг тоже улыбнулся. Широко, открыто, впервые за этот месяц выглядя не призраком в чужом теле, а обычным молодым парнем.

Он подошел к самокату, поднял его, поставил на подножку. Снял желтую униформу, аккуратно сложил ее, спрятал шип, впившийся в палец, и спокойно пошел обратно к подъезду пешком.

Вика перестала смеяться и открыла окно.

— Ты цел? Вызывать экзорциста или травматолога?

— Ни того, ни другого, — ответил Мишель, подходя ближе. В глазах его плясали чертики. — Я понял принцип равновесия. Оно достигается не скоростью, а смирением перед гравитацией. И отменой заказа номер четырнадцать. Клиент подождет. Сначала нужно обработать рану. Где твоя хваленая аптечка?

Вика исчезла из окна и появилась в дверях подъезда через минуту, протягивая ему ватный диск и перекись водорода.

— Добро пожаловать в курьерскую жизнь, Дмитрий Сергеевич, — сказала она, обрабатывая его царапину. — Первый день всегда комом. Зато какой старт карьеры.

— Впечатляющий, — согласился Мишель, морщась от шипения антисептика. — Знаешь, сестра твоего брата... ты кажешься мне более странной, чем вся Франция вместе взятая. Там хотя бы понятно, откуда ждать ножа в спину. А здесь нож прилетает на электротяге со скоростью тридцать километров в час.

— Это называется прогресс, братишка, — Вика наклеила ему пластырь с рисунком динозаврика. — Поехали. Пойдем пешком. Заодно расскажу тебе, что такое чаевые и почему нельзя проклинать клиентов, даже если они заказывают веганскую пиццу с анчоусами. Это разрушает карму рейтинга.

Они пошли по утреннему Мегину. Высокий бородатый мужчина в джинсах и толстовке, рядом с ним молодая женщина с ключами от всех дверей государства в рюкзаке. Солнце поднималось над панельными домами, освещая баннеры рекламы и провода высоковольтных линий.

Два мира столкнулись, перемешались и начали притираться друг к другу, оставляя на коже царапины от шиповника, а на сердце — неизведанную ранее легкость бытия. Глава заканчивалась щелчком зажигалки Вики, прикуривающей сигарету, и задумчивым взглядом Мишеля, смотрящего на проезжающий мимо автобус. Год тысяча пятьсот пятьдесят пятый казался отсюда страшной сказкой, рассказанной на ночь. А реальность пахла бензином, мокрым бетоном и обещанием чего-то совершенно нового.

Глава 3. «Нострадамус в XXI веке»

Вика закрыла входную дверь на оба замка и медленно сползла по ней спиной на коврик для обуви. Коврик пах псиной, пылью и отчаянием. В подъезде стояла благословенная тишина — соседи сверху наконец-то закончили сверлить стены перфоратором, что само по себе было знаком грядущего Апокалипсиса или просто наступления воскресенья.

Она сидела так минут пять, глядя в одну точку на обоях с геометрическим узором. Узор складывался в профиль участкового терапевта, которого Сергей почему-то внес в телефонную книгу под именем «Бубонная чума_95».

«Это не смешно», — подумала Вика. — «Это уже даже не страшно. Это административное правонарушение».

Из гостиной доносился звук, который заставил ее вздрогнуть. Тихое, ритмичное шипение. Не змеиное, а механическое. Так дышит старый советский холодильник перед тем, как отдать концы. Или дракон с астмой.

Вика поднялась, сбросила кроссовки (один носок сразу прилип к чему-то липкому на паркете) и решительно двинулась в комнату.

Картина, открывшаяся ей, стояла десятка выставок современного авангарда.

Ее брат Сергей лежал на полу посреди выжженной пентаграммы. Но это был какой-то неправильный Сергей. Во-первых, он был одет в темно-синий бархатный халат Сергея, который тот надевал только после душа, но сейчас халат сидел на нем как судейская мантия. Во-вторых, у этого Сергея была борода. Густая, ухоженная, интеллигентная бородка клинышком, которая совершенно не вязалась с пухлыми губами брата. В-третьих, незнакомец держал в руках пульт от телевизора и смотрел на него с таким ужасом, словно это была живая гадюка, готовящаяся к броску.

— Привет, — сказала Вика максимально будничным голосом, которым обычно сообщала посетителям МФЦ о том, что их талончик аннулирован из-за системного сбоя. — Ты кто?

Мужчина дернулся. Пульт выпал из его рук на ковер. Он вскочил на ноги одним плавным, хищным движением, которое никак не могло принадлежать человеку, три часа назад евшему доширак. Незнакомец оказался высоким, худым, с широкими плечами и длинными пальцами музыканта. Его глаза — темные, глубокие, полные первобытного ужаса и лихорадочного блеска — усталились на Вику.

— Вы... вы женщина, — выдохнул он на чистейшем французском языке шестнадцатого века, который благодаря памяти Сергея звучал для Вики как понятная, хоть и архаичная русская речь. — И вы одеты в мужское платье. Штаны... облегающие... Sorcière! Ведьма!

Он выставил вперед руку ладонью наружу, пальцы сложились в щепоть.

— Клянусь мощами святого Иакова, я отрекаюсь от твоих чар! Изыди! — выкрикнул он и плеснул в нее чем-то из стоявшей на столе кружки.

Вика машинально сделала шаг в сторону. Содержимое кружки — остатки остывшего зеленого чая с жасмином — пролетело мимо, залив дымящийся угол пентаграммы. Пар зашипел громче.

— Эй, полегче, антиквариат, — Вика выставила вперед руку. — Чай стоит триста рублей за пачку. Если ты хотел меня изгнать, мог бы хотя бы сварить кофе. И вообще, прекрати махать руками, ты мне вазу мамину собьешь. Она, между прочим, хрустальная, еще бабушкина.

Незнакомец замер. Его взгляд метнулся от лица Вики к стене, где висел диплом «Лучший специалист по работе с населением» в рамке из «Икеи», затем к окну, за которым виднелась девятиэтажка соседнего двора, увешанная спутниковыми тарелками, похожими на уши инопланетных захватчиков.

Лицо мужчины пошло белыми пятнами. Борода затряслась. Он открыл рот, закрыл его, снова открыл и издал звук, похожий на скрип несмазанной петли:

— Где... где алтарь? Где свечи? Почему небо серое сквозь стекло? Куда делось Солнце? Я же видел парад планет...

— Парад планет отменили из-за низкой явки зрителей, — сообщила Вика, проходя вглубь комнаты. Она старалась двигаться плавно, не делать резких движений, как если бы успокаивала агрессивного пациента с белой горячкой. Хотя пациент с горячкой вряд ли стал бы цитировать латынь без акцента. — Сядь. Вот сюда. На диван. Только подстели газетку, там пятно от пиццы, она немного липкая.

Мужчина послушно опустился на край дивана, продолжая сжимать кулаки. Он осматривал комнату методично, переводя взгляд с предмета на предмет, словно инвентаризируя филиал ада.

— Железный ящик со светящимся глазом... — прошептал он, глядя на микроволновку. — Дерево, растущее из пола, внутри которого течет вода... — это был радиатор отопления. — Стекланный гроб, полный мертвой еды... — холодильник. — И книга, страницы которой никогда не переворачивают... — планшет Вики на зарядке.

— Это кухня, батарея, холодильник и планшет, — терпеливо пояснила Вика, скрешивая руки на груди. — Меня зовут Виктория. Для друзей — Вика. А тебя как звать, чудо лесное? И где мой брат?

Незнакомец сглотнул. Кадык на его длинной шее дернулся.

— Мое имя Мишель де Нотрдам. Мэтр Нострадамус. Врач. Астролог. Служитель короны Франции.

Вика моргнула. Один раз. Медленно.

Затем она запрокинула голову и расхохоталась. Громко, истерично, сгибаясь пополам. Она смеялась так, что из глаз потекли слезы, а в боку закололо. Год бухгалтерских курсов, нервная работа и общение с пенсионерами требовали выхода эмоций, и этот заросший шерстью тип в халате брата стал последней каплей.

— Ой, не могу, — простонала она, вытирая слезы. — Нострадамус. Ну конечно. А я тогда Екатерина Медичи, пришла проверить, не отравили ли вы мою собачку. Дима, прекращай цирк.

— Откуда вы знаете мое христианское имя? — насторожился мужчина. Знания Сергея услужливо подсказали ему: Дмитрий — славянский аналог греческого Деметриос. — Староверы... Вы из общины отца Ферапонта? Нижние Карасы? Троюродная сестра?!

Вика перестала смеяться так же внезапно, как начала. Она посмотрела на него долгим, изучающим взглядом следователя прокуратуры.

План родился мгновенно, блестящий в своей абсурдности. Лучшая ложь всегда та, в которой девяносто процентов правды.

— Значит так, слушай внимательно, «мэтр», — голос Вики изменился. Исчезла паника, исчез смех. Появились металлические нотки начальника смены МФЦ. — Меня зовут Вика. Мой брат, придурок, увлекся твоей биографией. Настолько сильно, что решил провести ритуал призыва. Судя по тому, что вместо него здесь сидишь ты, а сам Серега испарился в клубах вонючего дыма, у вас обоих всё получилось. Поздравляю. Обмен душ состоялся. Квиты.

Мишель (теперь будем называть его так, чтобы не путаться) слушал её, подавшись вперед. Каждое слово падало в его сознание тяжелым камнем. Ритуал. Окно. Обмен. Память услужливо подбросила формулу ибн Аль-Хасана: *Transmutatio Animarum per Conjunctionem Voluntatum in Puncto Singulari*.

— Мой ассистент Скалигер... — начал было он.

— Твой ассистент остался во Франции, — отрезала Вика. — Там сейчас примерно август тысяча пятьсот пятьдесят пятого года. Чума, инквизиция, мода на огромные гольфики. Красота. А ты здесь. Две тысячи двадцать шестой год. Сибирь. Город Мегион. Население сорок тысяч человек. Главная достопримечательность — торговый центр «Камертон». Добро пожаловать в будущее, пророк. Располагайся.

Она говорила рублеными фразами, вбивая информацию, как гвозди. Никаких сантиментов. Только факты. Бюрократическая машина внутри Вики включилась на полную мощность, обрабатывая кризисную ситуацию.

Мишель покачал головой. Движение было механическим.

— Ложь. Морок. Искушение дьявола. Вы показываете мне картины лживого рая. Эти повозки без лошадей... эти огни без пламени... Это обман зрения. Я болен. Я умираю от лихорадки в подвале Салона, и мозг посылает мне последние видения.

Вика закатила глаза.

— Господи, все медиумы одинаковые. Вечно им нужны доказательства. Хорошо. Хочешь доказательств? Держи.

Она подошла к столу, взяла свой смартфон. Разблокировала экран.

— Узнаешь?

Мишель отшатнулся, едва не упав с дивана. Спина вжалась в подушки.

— Черное зеркало колдуна! — прохрипел он. — Глаз демона! Он смотрит на меня! Внутри пляшут тени!

— Это иконки приложений, деревня, — вздохнула Вика. — Смотри внимательно. Видишь эту штуку? — она открыла приложение «Камера». Навела объектив на Мишеля.

Пророк вскрикнул и закрылся руками.

На экране возникло его собственное лицо. Четкое, объемное, цветное. Без холста, без красок, без масла. Лицо двигалось. Когда он в ужасе приоткрыл один глаз, чтобы подсмотреть, фигура в стекле сделала то же самое.

— *Speculum diabolicum*, — прошептал он. — Зеркало, крадущее душу. Оно держит меня внутри. Выпусти меня, ведьма! Разбей стекло!

— Никто тебя не держит, — Вика сунула телефон ему прямо под нос. — Нажми вот сюда. Пальцем. Да, этим самым. Аккуратно.

Подрагивающий палец коснулся холодного стекла. Экран мигнул. Фотография сохранилась.

Мишель смотрел на снимок своего перекошенного от ужаса лица так, словно увидел призрака. Затем он провел пальцем по экрану. Галерея открылась. Десятки фотографий. Вика с подругами в клубе. Сергей с голым торсом на фоне гаражей. Кот соседки.

Память Сергея работала как поисковик. Сенсорный интерфейс. Емкостный экран. Матрица IPS.

— Это хранилище образов, — тихо сказал Мишель, отрывая взгляд от телефона. Он посмотрел на свои руки, потом на Вику. — Настоящих образов. Свет пойман в ловушку. Но... зачем? Зачем хранить столько лиц простых людей? Короли, епископы — я понимаю. Но булочник? Девица с розой? Кто они?

— Инфлюенсеры, — буркнула Вика, забирая телефон. — Ладно, вводный курс молодого бойца окончен. Теперь переходим к суровой реальности. У нас проблема, Димочка. Большая бюрократическая проблема.

— Какая? — спросил он, всё еще находясь в легкой стадии кататонического ступора.

— Моя карьера, — жестко ответила Вика. — Через неделю аттестация на должность начальника отдела. Если Шеф узнает, что мой единственный брат свихнулся на почве эзотерики настолько, что призвал дух французского алхимика, а заодно поменялся с ним телами... Прощай, премия. Прощай, повышение. Прощай, возможность свалить из этой ипотечной клетки в нормальную новостройку. Поэтому, начиная с этой секунды, мы играем по моим правилам.

Она встала над ним, возвышаясь, как статуя Немезиды в исполнении масс-маркета.

— Правило первое: ты — Дмитрий Сергеевич Нотрдамов. Можно просто Дима. Мой троюродный брат.

— У тебя нет братьев, кроме Сергея, — логично заметил Мишель.

— По линии матери. Из глухой деревни Верхние Волчки Тюменской области. Понял? Запоминай легенду. Родители — старообрядцы-беспоповцы. Жили натуральным хозяйством. Интернета не видели, электричества боялись, поэтому ты такой... специфический. Решил выйти в мир, приобщиться к цивилизации. Приехал ко мне пожить, пока работу найдешь.

Мишель нахмурился. Брови сошлись на переносице.

— Зачем такие сложности? Разве нельзя сказать правду? Что я провидец эпохи Возрождения?

Вика издала странный звук, средний между всхлипом и рычанием.

— Дима, повторяй за мной: правда убьет нас обоих. Если ты выйдешь на улицу и скажешь первому встречному полицейскому, что ты Нострадамус, тебя заберут либо в полицию за мошенничество, либо в психушку имени Кащенко. Поверь мне, справка из дурдома закрывает двери в карьеру гораздо надежнее, чем судимость. А я хочу быть начальником. Понятно?

— Психушка — это застенки для умалишенных, — догадался Мишель. — Место, где держат тех, чьи знания опережают время?

— Место, где тебе будут колоть галоперидол в задницу, пока ты не начнешь пускать слюни и верить, что ты — чайник, — ласково пояснила Вика. — Так что запоминай: ты из Нижних Карасей. Образование — церковно-приходская школа. Специальность — плотник. Или печник. Что-нибудь деревянное.

— Я врачую недуги тела и духа, — возмутился Мишель. — Я составляю гороскопы для королей!

— Здесь твои гороскопы никому не уперлись, астрология ты моя ненаглядная, — Вика села обратно на стул. — Здесь люди смотрят погоду в Яндекс-услугах. А лечить... Знаешь что? Это отличная идея. Нам нужен курьер. Работа непыльная, график свободный. Будешь развозить еду.

— Еду? — переспросил Мишель. Его аристократические ноздри дрогнули. — Я буду лакеем? Носильщиком обедов?

— Ты будешь логистическим менеджером доставки, — поправила Вика. — Курьером. Форму выдадут желтую. Очень стильную. Тебе пойдет. Заодно город посмотришь. Освоишься. Научишься пользоваться самокатом. Кстати, о теле...

Она критически осмотрела его фигуру.

— Рост метр восемьдесят пять. Размер одежды... эм... Сергей был шире в плечах. Худеешь ты, Мишель, от стресса. Ладно, штаны мои спортивные на резинке тебе подойдут, футболку дам. А вот обувь... Лапа у тебя огромная, как у медведя. Прямо как у Сереги. Сорок пятый размер. Хорошо хоть гардероб совпал, меньше трат.

Мишель молчал, переваривая поток информации. Два потока сознания в его голове боролись за право комментировать происходящее.

Один — медбрат Сергей — орал благим матом: «Вика, какого черта?! Какой курьер?! У него иммунитет нулевой, он первую же ветрянку словит и помрет! Ему нельзя трогать терминалы оплаты, там бактерий больше, чем грязи в Сене!»

Второй — Нострадамус — холодно анализировал: «Система распределения благ через посредников. Желтый цвет — знак принадлежности к гильдии. Самокат — индивидуальное средство передвижения низшего сословия. Опасно, но эффективно. Нужно изучить принцип баланса».

— Хорошо, — наконец произнес Мишель. Голос его прозвучал неожиданно ровно. — Я принимаю вашу... легенду. Ради спасения вашей души от вашего начальства. Но знай, ведьма... тьфу, сестра. Этот мир прогнил. Ваши люди ходят согбенные, уткнувшись в черные зеркала. Они забыли Бога ради идолов из кремния. Я чувствую запах серы в воздухе. Ад пуст, все бесы здесь.

— Это выбросы с нефтеперерабатывающего завода, умник, — бросила Вика, вставая. — Пойдем. Ванную покажу. Первое правило современной жизни: дезодорант твой лучший друг.

Второе: туалетную бумагу смывать нельзя, прокладку тоже. Третье: шампунь от перхоти не лечит одержимость. Вопросы есть?

— Есть, — кивнул Мишель, следуя за ней по коридору. — Что такое «ипотека»? И почему ваш дом принадлежит банку, а не вам? Это форма крепостного права?

— Это хуже крепостного права, Дима, — мрачно отозвалась Вика, включая свет в ванной. — Это финансовая кабала на тридцать лет под двенадцать процентов годовых. Заходи. Душ включается этой ручкой. Красную не крути, сvariшься заживо. Справа внизу — вытяжка. Дерни за веревочку. И ради всего святого, не крестись на стиральную машинку, она неживая. Пока что.

Оставив пророка одного изучать чудеса фаянса и сантехники, Вика вышла в коридор и прислонилась к стене. Ее трясло.

Год. Прошло почти два месяца с момента вспышки, а она только сейчас позволила себе осознать масштаб катастрофы. Брат пропал. В прошлом. Где сифилис лечат ртутью, а зубную боль — плоскогубцами. А вместо него дома сидит ходячая историческая ценность с посттравматическим синдромом и привычкой разговаривать с неодушевленными предметами.

Из ванной раздался дикий визг, переходящий в молитву на латыни.

Вика тяжело вздохнула, достала из кармана джинсов сигарету и пошла на балкон.

Кажется, титул начальника отдела откладывался на неопределенный срок. Впереди была долгая ночь объяснений, почему нельзя варить лягушек в электрическом чайнике.

Когда Вика вернулась на кухню, предварительно проветрив ванную от запаха ладана (оказывается, Мишель успел спрятать в сливном бачке кусочек смирны), картина изменилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.